

К.У. Торланбаева

к.и.н., с.н.с. отдела стран
Ближнего и Среднего Востока
Института востоковедения
им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК

К ИСТОРИИ ОТКРЫТИЙ МАНИХЕЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Первые исследователи манихейства, основывавшие свои знания на антиманихейской полемике, Иссак де Бособр (1659-1738 гг.), Фердинанд Христиан Баур (1792-1860 гг.), Густав Флюгель (1802-1870 гг.), Конрад Кесслер (1851-1905 гг.) формировали свои взгляды о манихействе от идеи происхождения манихейства как христианской ереси до идеи самостоятельной религии, истоки которой не только в христианстве, но в восточных религиях Древнего Вавилона и Ирана (Хосроев, 2007, с. 13-17). Возможно, что такая ситуация продолжалась бы и далее и собственное изложение манихейского учения осталось бы неизвестным, если бы не конец XIX и начало XX века, период, который стал величайшим этапом в истории открытия, дешифровки и изучения древних памятников письменной истории человечества.

Важное место среди памятников письменности занимают те, которые были обнаружены на территории Центральной Азии, носящей ирано-тюрко-монгольскую этно-культурную ментальность. С одной стороны это памятники рунического письма, принадлежащие уникальному миру кочевой культуры, с другой стороны, – это памятники религиозно-философской мысли.

Впервые в истории изучения религий у народов Центральной Азии были обнаружены письменные источники начала нового тысячелетия в Таримском бассейне, или Кашгарии (нынешний Синьцзяно-Уйгурский автономный район КНР) на разных языках, самые многочисленные находки текстов были обнаружены в Турфанском оазисе. Благодаря исследованиям текстов Турфанской библиотеки стало возможным изучение нового согдийского языка и исчезнувшей религии Мани. Большая часть текстов носит религиозный характер буддийского, манихейского, христианского содержания. Их уникальность заключается в том обстоятельстве, что сохранившиеся тексты являются свидетелями существовавшего многообразия религиозно-философских и культурных контактов на всем протяжении Великого Шелкового пути. Все многообразие и разноязычность Турфанской библиотеки должны быть изучены в контексте взаимодействия народов и культур, проникновения религий и философских учений из Вавилона, Ирана, Византии, Индии, обществ кочевников и оазисных государств Центральной Азии.

Надо сказать, что в истории имеются сведения о существовании древних библиотек, одна из таких была уничтожена войсками Александра Маке-

донского – знаменитая Александрийская библиотека. Это событие, возможно, уже навсегда скрыло истоки зороастрийской религии. В этом отношении Турфанская библиотека, безусловно, является источником познания и понимания учения Мани о двух началах, Света и Тьмы, раздельно существовавших искони и поэтому должных возвратиться к этому первоначальному состоянию. Турфанские рукописи многообразны по содержанию, это фрагменты книг Мани и его учеников, тексты литургического, агиографического и церковно-исторического характера, гимны, молитвы, притчи; документы переписывались и сегодня составляют ценный источник по изучению манихейства.

История открытия Турфанской библиотеки начинается с устремления европейских держав распространить свое политическое и экономическое влияние в Цинском Китае, длительное насильственное открытие которого служит примером колониционной деятельности, однако, вместе с тем, служит и примером ярких открытий научного плана. Впервые в руках ученых оказались тексты, возможно, принадлежащие самому Мани или его последователям. Это случилось во время научных экспедиций русских, немецких, французских, японских и английских археологов на территории Восточного Туркестана, которая стала раскрываться в ходе дальнейшего ослабления Цинской династии и начала экспедиций для изучения нерусской Центральной Азии.

Соперничество европейских держав в слабеющем Китае еще в 1834 г. привело к организации английской миссии от индийской администрации, которая занималась вопросами географического расположения границ владений Цинов с Индией. Вероятно, эта миссия открыла путь многочисленным археологическим экспедициям, продвигавшимся впоследствии по следам экспедиций Н.М. Пржевальского, А. Регеля и С.А. Хедина. Еще потребовались десятки лет, чтобы в 1889 г. английским капитаном Ф. Бауром был приобретен манускрипт на брахми из маленького оазиса Шах-яр в Турфанском оазисе (Trombert, 2000, с. 22). Шведский археолог Свен А. Хедин (865-1952 гг.) был первым из европейских ученых, проявивший живой интерес к древностям Азии вдоль Великого Шелкового пути и ему же принадлежит первое научное исследование Китайского Туркестана. Уже во время своей первой географической экспедиции (1894-1897 гг.) он приобрел фрагменты рукописей и художественные объекты на его территории, даже не посещая Турфанский оазис. Его сообщения стали важными для последующей работы европейских ученых. Последние экспедиции С.А. Хедина, совместная китайско-шведская, (1928-1935 гг.) положили конец исследованиям иностранными учеными Синьцзяня (Sundermann, 2004, с. 634).

Любопытство европейцев подогревалось сведениями Императорской Академии Наук Российской империи о народах Сибири, открытиях в Монголии, а также отчетами о турфанских экспедициях В.И. Роборовского и

П.К. Козлова в 1893-1895 гг. и Д. А. Клеменца в 1898 г. Русские экспедиции в Турфан были самыми первыми, которые доставили Азиатскому музею первоначально мешок с обрывками древних трудночитаемых рукописей, исследованных Василием Васильевичем Радловым (1837-1918 гг.). Затем Д.А. Клеменц доставил в Петербург значительное количество эпиграфических и рукописных текстов, подразделенных В.В. Радловым на 5 категорий: 1) древнетюркские рунические надписи, процарапанные в пещерных храмах; 2) древнеуйгурские рунические надписи черной и красной краской на кусках штукатурки из дворцовых или храмовых построек; 3) фрагменты древнеуйгурских буддийских рукописей; 4) фрагменты буддийских ксилографов; 5) древнеуйгурские хозяйственные документы. Самой значительной находкой является покаянная молитва манихеев «Хуастуанифт» (Кляшторный, 1992, с. 334-335). Самыми важными и плодотворными были экспедиции Сергея Федоровича Ольденбурга (1863-1934 гг.) в два периода 1909-1910 гг. и 1914-1915 гг. Среди объектов, приобретенных С.Ф. Ольденбургом, была уникальная печать с портретом Мани (Sundermann, 2004, с. 636).

В начале XX в., когда в Европе сложились два военно-политических блока, усиливалось соперничество и в области науки. Поэтому почти одновременные экспедиции англичан, японцев, французов и немцев в Кашгарию, географически представлявшую собой просторы безжизненной пустыни Такла-Макан с островками населенных и хранящих богатую культуру оазисов, направлялись в поисках древних цивилизаций.

Немецкие экспедиции (1902-1914 гг.) приобрели самую большую коллекцию турфанских древностей, среди которых значительное количество занимают манихейские тексты. Берлинским этнографическим музеем было организовано четыре экспедиции в Турфанский оазис. Первая экспедиция (ноябрь 1902 - март 1903 гг.) возглавлялась директором Департамента Индии музея Альбертом Грюнведелем (1856-1935 гг.), который был специалистом в области индийского и тибетского буддизма. А. Грюнведель по докладам В.В. Радлова и К.Г. Залемана на XII международном конгрессе востоковедов, проходившем в Риме в 1899 г., предположил, что Таримский бассейн является центром сложения греко-римского искусства. Эта экспедиция обнаружила в развалинах Кочо (Турфанский оазис) настенную живопись, изображающую людей в белых одеждах, интерпретированных учеными как манихейские священнослужители, также были найдены фрагменты рукописей, надписи на стенах, написанных письмом эстрангелло, отрывки текстов на тюркском и среднеперсидском языках. Археологический комплекс, обнаруженный экспедицией, получил название Комплекс-а (Lieu SaueI, 1998, с. 3).

Когда экспедиция А. Грюнведеля возвратилась в Берлин, находки были переданы заместителю директора музея, известному синологу и знатоку арабского и персидского языков Фридриху Вельгельму Карлу Мюллеру (1863-1930 гг.). Дешифровка показала, что это были отрывки «Евангелия» Мани, отрывки

из «Шапуракана» («Книги Шапура»), преподнесенного Мани Шапуру I на среднеперсидском языке, большой отрывок космогонического содержания, гимны и молитвы (Хосроев, 2007, с. 18). Ф.В.К. Мюллер установил традицию обозначения иранских манихейских текстов буквой М (=Manichder). Тюркский текст был обнаружен в развалинах буддийского монастыря в нынешнем пещерном комплексе Безеклик в г. Турфане с двойными буддийско-манихейскими стенами. Японский ученый Такао Мориясу в мае 1999 г. прочитал лекцию в Бранденбургской Академии в Берлине, где поднял вопрос о датировках настенной живописи в Турфане и Дуньхуане, а значит и вопрос о времени распространения, упадка и смены манихейства на буддизм (Moriyazu, 2000, с. 337-368). А.К. Камалов, исследуя историю уйгуров в Дуньхуане, отмечает, что «первоначально пещеры были созданы на утесе и в них на стены нанесены росписи, на которых одновременно с картинами или позже сделаны некоторые надписи. После довольно длительного времени использования этих пещер в качестве культовых сооружений, некоторые из них были переделаны: старые стены с росписями были закрыты новым кирпичным слоем, и уже на новой стене нарисованы картины с буддийскими мотивами, а также в некоторых установлены статуи Будд или Бодисатв» (Камалов, 2003, с. 4-7).

Вторая немецкая экспедиция (сентябрь 1904-декабрь 1905 гг.) проходила под руководством почетного сотрудника музея, уже известного тюрколога Альфреда фон Лекока. В официальной истории эта экспедиция получила название Первой Королевской Прусской экспедиции и финансировалась также кайзером Германии. Главные ее открытия произошли в руинах так называемого Комплекса-к, расположенного в центральной части Кочо (Lieu Sauei, 1998, с. 6-7). Впоследствии А. фон Лекок описал свои первые впечатления о находках: «Наше внимание было приковано к большому комплексу руин в центре, отмеченному буквой к на плане, тем, что некоторая часть первоначальной стены была снесена в северной части третьего большого зала, который мы обнаружили в центре этого комплекса. Казалось, что эта стена была установлена раньше, на которой была картина, нанесенная красками, изображающая манихейского первосвященника в его епископских одеждах, окруженного его многочисленным духовенством, все фигуры были в белых одеждах, известные нам по манихейским миниатюрам, это были костюмы определенного класса священнослужителей этой веры. Портрет первосвященника выделялся из целой группы нарисованных лиц своими размерами на первом плане. Его платье было белым... Его высокий белый головной убор был вышит золотом... Лицо овальное, орлиный нос, но глаза, маленькие и, скорее, в наклоненном положении напоминали манеру китайских художников. Нимб был составлен из лунного серпа и солнечного диска, представляемого золотым, окрашенным в желтый цвет» (Le Coq, 1909, с. 304-305).

Обнаружение манихейской настенной живописи привело и к находкам манихейских текстов, многие из которых, однако, находились в ужасном со-

стоянии вследствие воздействия подводных каналов. «Таким образом, мы обнаружили в манихейском святилище библиотеку, которая была почти уничтожена водой. Когда я раскопал дверь, загроможденную пылью и песком, мы нашли на пороге высушенный труп убитого буддистского монаха, его ритуальная одежда вся была запятнана кровью. Место, к которому привела эта дверь, было загромождено какой-то массой, при более близком осмотре, оказалось, что это были остатки манихейских рукописей. Вода проникла через листы, скрепленные все вместе, и при ужасно высокой температуре здешнего обычного лета все эти ценные книги превратились в высохшие, распадавшиеся лохмотья. Я взял эти экземпляры в надежде, что некоторые из этих рукописей сохранятся; но отдельные страницы рассыпались на маленькие кусочки, на которых были все еще заметны остатки красиво написанных строк, смешанных с картинками миниатюр, выполненных в золотом, синем, красном, зеленом и желтом цвете. Здесь было потеряно огромное сокровище» (Le Coq, 1926, с. 61). Однако сегодня мы можем констатировать, что благодаря сухому жаркому климату Турфанской котловины в пещерных комплексах сохранились настенная живопись, фрагменты религиозных текстов, мумифицированные трупы, остатки шелка и другие предметы, тогда как при влажном климате эти ценности не сохранились бы однозначно.

А. фон Лекоку и его помощникам удалось собрать остатки фрагментов манихейских текстов, несмотря на ужасное состояние находок, и в настоящее время эти письменные источники находятся в Берлине. В своих записях А. фон Лекок сокрушается о том, что такие ценности письменной религиозной мысли Междуречья Тигра и Евфрата были обнаружены только в начале XX в.: «Наши экспедиции прибыли в Караходжа слишком поздно. Если бы это произошло раньше, то замечательные сасанидско-эллинистические картины были бы, конечно, спасены. Мы должны были спасти, также, множество литературы религиозных общин, важных как для истории религий, так и для изучения языков. Один из крестьян рассказал мне, что за пять лет до прибытия первой экспедиции, которую он видел, в руинах одного из храмов была обнаружена большая телега (арба) рукописей ‘с маленькими письменами’ (т.е. манихейскими), которые мы так старательно искали. Многие рукописи были украшены картинками с золотом и цветами. Но он боялся, первоначально, безобразного состояния текстов и, затем, что китайцы могли бы использовать открытие как предлог для новых вымогательств, поэтому он немедленно бросил целую библиотеку в реку!» (Le Coq, 1926, с. 62). Манихейские тексты были найдены во многих монастырях Кочо.

Монастырский Комплекс-к представляет собой интересное сооружение, напоминающее среднеазиатские раннесредневековые постройки «коридорно-гребенчатой планировки», которые типичны для иранско-среднеазиатского чортака. Комплекс представляет в плане прямоугольник 55476 метров, с севера, юга и востока которого примыкают постройки. Вну-

три комплекса и рядом с ним были вскрыты изолированные здания, построенные из сырцовых кирпичей. Между двумя пряслами северной стены комплекса имеется квадратное строение, состоящее из разделенных продольным коридором двух пар небольших купольных построек. С внутренней стороны восточной стены комплекса имелось здание библиотеки, где и были обнаружены манихейские рукописи. Библиотека представляла собой центральное купольное помещение в виде квадрата, к которому примыкали прямоугольные помещения и коридоры. К середине южной стены изнутри примыкает прямоугольная постройка, состоящая из трех смежных залов, разных по площади. Около юго-западного угла комплекса имеется изолированная купольная квадратная постройка с проходом в середине каждой стороны (Литвинский, Смагина, 1992, с. 329-330). А. Грюнвелдею и А. Лекоку принадлежит мнение, что центральное здание комплекса, состоящее из трех залов, предназначалось для религиозных целей. В среднеперсидских текстах, вероятно, сооружение такого рода носило название манистан, а в уйгурских манихейских текстах чаидан. Бо Утасу принадлежит мнение, что термины манистан и ханака являются семантически параллельными (Bo Utas, 1985, с. 658-662).

В марте 1905 г. А. фон Лекок оставил работы в Кочо и направился к развалинам храмов Мартука и Туюка, где были обнаружены фрагменты христианских, манихейских и буддийских текстов. В августе 1906 г. А. фон Лекок получил от А. Грюнвелде обещание присоединиться к его экспедиции. Они встретились в Кашагаре в декабре и начали совместную экспедицию, получившую название Третьей немецкой экспедиции в Турфан (декабрь 1905-июнь 1907 гг.). Однако из-за ухудшающегося здоровья А. фон Лекока, ее возглавил и продолжил А. Грюнвелде. Фрагменты манихейских, христианских и буддийских текстов, миниатюры и картины были переправлены в Берлин, где под руководством А. фон Лекока началась трудная работа по изучению письменных источников Турфанской библиотеки.

Четвертая, последняя, немецкая экспедиция в Турфан проходила в сложных политических условиях в январе 1913 - феврале 1914 гг. под руководством А. фон Лекока. Эта экспедиция работала в юго-западной части Турфана, между поселениями Тумшук и Корла, где в основном были найдены буддийские древности. В марте 1914 г. экспедиция вернулась в Берлин (Lieu Sauer, 1998, с. 9).

Немецкие экспедиции в Турфан признаются самыми успешными, и тайна этого заключается в ряде факторов. Немецкие профессиональные археологи и уже известные ученые были первыми исследователями этого региона, сенсационные находки А. Грюнвелдея и талант в популяризации научных результатов А. фон Лекока способствовали субсидированию работ в системном порядке, длительное пребывание в Турфане немецких исследователей дало им возможность развивать своего рода сотрудничество с местными жителями. Одновременно с этим результаты немецких экспедиций донесли до

нас первичные сведения о древностях Турфана путем зарисовок, описаний, создания планов, схем, отчетов, так и придуманный Теодором Бартусом метод отделения картин от стен, не ломая их по частям, т.е. настенная живопись Безеклика, Кызыла, Туюка, Муртука и др. вырезалась и увозилась экспедициями. В сущности, это означало уничтожение уникальных памятников культуры, их изъятие из исторического контекста. Но с другой стороны многочисленные публикации А. Грюнведеля, А. фон Лекока и других на основе турфанских находок дали всему ученому европейскому миру возможность исследовать древние языки, религии, философские идеи, искусство, архитектуру, историю Центральной Азии и других регионов. Во время налета на Берлин в 1943 г. была навсегда потеряна настенная живопись из Безеклика, также какая-то часть рукописей турфанской коллекции (Sundermann, 2004, с. 637-638). По окончании войны, вероятно, какая-то часть настенной живописи была вывезена советскими войсками из Берлина и находится в Государственном Эрмитаже, постепенно экспонируясь.

Параллельно по следам немецких ученых в Турфан была организована международная экспедиция в 1905 г. по инициативе Французского комитета международной ассоциации по изучению Центральной Азии. Экспедицию возглавил Поль Пельо (1878-1945 гг.), который в это время уже был профессором китайского языка во Французской школе Дальнего Востока. Миссия покинула Париж 15 июня 1906 г. и добралась до Кашгара 1 сентября. Экспедиция оставалась в Кашгарии шесть недель и занималась сбором сведений по археологическим отчетам Н.Ф. Петровского. 17 октября 1906 г. экспедиция направилась в Кочо, которая уже стала обозначаться как главная цель миссии. По дороге П. Пельо изучал сведения, добытые немецкими экспедициями А. Грюнведеля и А. фон Лекока и русского ученого А. Березовского. По дороге между Кашгаром и Кочо около селения Тумшук П. Пелио открыл совершенно случайно монастырский город, эта случайность и стала путем к обнаружению многочисленных документов, греко-буддийской архитектуры, скульптуры и живописи искусства Гандхара. Из Тумшука французская экспедиция направилась в Кочо, куда она прибыла 2 января 1907 г. К этому времени немецкая экспедиция уже покинула Кочо, они отправились в Кызыл. Здесь экспедиция П. Пельо застала А. Березовского, который и сопровождал их в Дулдур-акар и Сюбаши, где были найдены китайские тексты, поступившие в Национальную библиотеку Франции. Экспедиция П. Пельо продолжалась восемь месяцев, из которых четыре она провела в Дуньхуане, где в 1908 г. он приобрел в буддийском пещерном храме окончание неизвестного ранее манихейского сочинения «Краткое содержание учений и правил религии Будды Света» (Trombert, 2000, с. 21-25; Хосроев, 2007, с. 19-20).

Английскую экспедицию в Восточный Туркестан возглавил известный археолог Марк Аурел Стейн (1862-1943 гг.), главным открытием которого стала Пещера тысячи Буд в Дуньхуане, провинции Ганьсу, обнаруженная в

мае 1907 г. Мировое значение буддийской культуры в Дуньхуане открыло перед наукой широчайшие возможности познания сосуществования мощных пластов индийской, тибетской, китайской и тюркской культур. При раскопках в одном из буддийских пещерных храмов А. Стейном был обнаружен тайник с большим собранием древних рукописей. Настоятель храма позволил часть рукописей увезти для прочтения и исследований в Англию, они и стали достоянием Британского музея. Среди рукописей было обнаружено начало манихейского китайского сочинения «Краткое содержание учений и правил религии Будды Света», окончание которого было приобретено П. Пельо. Впервые это сочинение было исследовано и опубликовано с обширным комментарием китаистами П. Пельо и Э. Шаванном в 1913 г. в неведении, что начало этого сочинения находится в Британском музее. Оно было включено и изучено наряду со знаменитым китайским манихейским «Трактатом», переведенным с одного из иранских языков. История открытия «Трактата» также была связана с тайником рукописей в Дуньхуане, который попал в 1908 г. в Пекинскую национальную библиотеку (Хосроев, 2007, с. 19-20).

В 1908 г. А. Стейн приобрел для Британского музея свиток, содержащий 422 строфы манихейского гимна. Среди находок А. Стейна оказался текст покаянной молитвы «Хуастуанифт», версия которого также имеется в Санкт-Петербургской коллекции. Все находки в Китайском Туркестане были переправлены английской, русской, немецкой, французской экспедициями в Европу, где началась кропотливая предварительная работа над письменными источниками, некоторые из этих исследований до сих пор представляют собой фундаментальные разработки научной мысли.

Собственный вклад в изучение древностей Синьцзяня китайцами начался поздно, однако способствовал прекращению с 1930-х гг. европейских экспедиций и только с конца XX в. и начала XXI под давлением ЮНЕСКО эти памятники старины вносятся в списки памятников мировой культуры. Археологическое изучение Синьцзяня недоступно для иностранных исследователей, тем не менее, интенсивные работы в этой части Азии проводятся китайскими археологами.

Китайские экспедиции в Синьцзянь начались как совместные шведско-китайские. Во время первой экспедиции китайского археолога Хуан Вэнби производились работы в Кочо, Безеклике, Яр-Хото и Астане. В ходе экспедиции был обнаружен манихейский монастырь, где найдены фрагменты текстов на китайском, тюркском, тохарском и среднеперсидском языках. Также маленький фрагмент парфянского манихейского текста содержит списки имен членов манихейской общины. Систематические археологические исследования Синьцзяня начались в 1950-е гг. Непрерывная публикация результатов началась только в 1973 г. Раскопки в Безеклике в 1980-1981 гг. привели к обнаружению около 800 текстовых фрагментов, главным образом, это

530 китайских рукописей и оттиски с гравюры, также были открыты тексты на тюркском, тунгутском и языке брахми. Новые тексты были опубликованы в 1985 г. совместно с японским исследователем Ютака Ёшида в «Исследованиях новых манихейских текстов из Турфана», затем в 1992 г. вышла совместная работа Ю. Ёшида и В. Зундермана по парфянскому манихейскому гимну (Sundermann, 2004, с. 638).

В 1899 г. Ф.В.К. Мюллером было высказано мнение о древностях Турфана: «Если бы была возможность заново открыть пещерные храмы, то религиозная и культурная история Центральной Азии могла бы показать себя по-другому».

В наше столетие манихейство до сих пор испытывает на себе пристальное внимание ученых. В казахстанской науке констатация возможного распространения манихейства обнаруживалась по археологическим материалам. Одной из сложностей в изучении артефактов распространения манихейства является его аморфность, которая исходит из идеи претензий этого учения на универсальность, всеобщность, а значит и непротиворечивое присваивание символов, образов и сюжетов материального воплощения из местных культур и других религий.

Каких-либо письменных источников манихейства на территории Казахстана не обнаружено, однако из фрагментарных сведений материалов Турфанской библиотеки имеются конкретные сведения о распространении манихейства в тюркский период. Это отрывки тюркского сочинения «Книги двух начал» (*Äki yiltiz nom*)³³⁰, вероятно, переведенного с парфянского оригинала, или, даже, по мнению Дж. Климкайта, это фрагменты из «Шапуракана», единственного сочинения, написанного на среднеперсидском языке (Хосроев, 2007, с. 67-68, прим. 343). В 1907 г. в селении Караходжо среди обрывков турфанских источников А. фон Лекок обнаружил, отождествил и собрал эту «Книгу» из четырех рукописей. «Книга двух начал» была написана в Аргу-Таласе для того, «чтобы пробудить веру в стране десяти стрел» (Кляшторный, 1964, с. 131), и была посвящена правителю из чигильарсланов по имени Иль-тиргюг, алп-бургучан, алп-тархан (Henning, 1977, с. 552). Во фрагментах имеется подпись составителя, или автора «Книги», который пользовался учением Света и носил имя Арслан Менгю.

Интерес к исследованию манихейства в тюркский период был привлечен исследованиями Ю. А. Зуева. Ученый, работая над историей ранних тюрок и, долгое время вынашивая идею необходимости углубленного анализа китайских летописей, в своей монографии посвятил раздел тюркскому манихейству (Зуев, 2002). Введенное им понятие тюркское манихейство отражает переработку учения Мани на основе уже существующих представлений и верований тюркских племен, комплекс культурных взаимодействий тюрок

³³⁰ По переводу и исследованиям С.Г. Кляшторного это «Священной книги двух основ».

с соседними народами. Манихейство как дуалистическое, синкретическое, гностиологическое учение впитывало в себя все культурные особенности той среды, где бы оно ни распространялось. В этом смысле манихейство стало первой, сознательно приспособляемой к культурной среде, религией. По справедливому утверждению ученых, манихейство создало богатую письменную традицию от берегов Тигра и Евфрата до Хуанхэ, направленную на адаптацию своих религиозных взглядов к местным условиям с целью успешного распространения своего учения (Тугушева, 2008, с. 9).

В Казахстане сведения о бытовании манихейства были обнаружены в ходе археологических работ Т. Н. Сениговой на территории древнего Таласа и его обширной округи в VI – VIII веках. По ее научным публикациям и письменным источникам Ю. А. Зуев осуществил интерпретацию вещественных материалов, указывающих на бытование манихейства в Западнотюркском каганате в сопоставлении с разноязычными письменными источниками.

В 1957 г. в Джамбуле (др. Талас; совр. Тараз) в районе так называемого «Мучного рынка» в ходе строительных работ были вскрыты участки культурных слоев средневекового Таласа. Среди находок были обнаружены изящно изготовленные предметы, связанные с религиозными представлениями населения. Находки эти представлены крышками оссуариев с человеческими головками, отпечатками штампов на хумах, оссуариев с изображениями собак, козлов и львов, с лунной и солнечной символикой, обломками столиков (дастарханов) с богатыми растительными узорами, медальоном с изображением женщины, на шее у которой ожерелье из отдельных круглых бус, в нижней части скрепленное миниатюрной поделкой в форме лунного серпа, и другими предметами (Сенигова, 1960, с. 97-101).

Ю. А. Зуев, анализируя, предположил, что женщина на нем изображает богиню Луны. Образ Луны в мировоззрении народов Востока занимает центральное место, отображает жизнедеятельность общества, построенную на основе лунного календаря. Учение Мани, сформировавшееся в Вавилоне, использовало мифологические образы и представления для объяснения миропорядка через свою доктрину, и образ Луны получил в его учении важное место. Более того, Мани сумел органично вписать в свое учение представление о едином Божестве Солнце и Луна. Тогда как, согласно мифологическому мышлению древнего общества, Луна и Солнце – это по качеству и характеристикам противоположные явления. Объединение этих образов в единое божество могло произойти именно вследствие логического переосмысления мифологем для религиозного восприятия и осознания.

Согласно манихейскому учению, Луна и Солнце являлись кораблями, посредством которых происходит очищение человеческой души от скверны тёмных сил мира Смещения. В исповедальной молитве «Хуастванифт», распространенной в тюркской среде X – XI вв., говорится о следующем пони-

мании Солнца и Луны в манихействе: «[II A] Также если кто-либо пойдет к Божеству Солнца и Луны, к божествам пребывающим в двух Светлых дворцах, [II B] и в страну Богов, являющуюся местом средоточия всех Будд, чистого Учения, добродетельных существ и Света, находящегося на земле, то подступами к воротам (в нее, т.е. в страну Богов) (1-3) являются Божество - Солнце и Луна. Для того, чтобы освободить Пять божеств и разделить Свет и Тьму, оно делает полный обход вокруг и освещает четыре стороны (букв. угла) света» (Тугушева, 2008, с. 17, 22). На Луне происходит окончательное очищение Души живой, которая затем в качественно возрожденном чистом состоянии через Солнце поднимается к Свету. Луна убывает, когда очищенный в ней Свет возносится на Солнце, и прибывает, когда новая доля Света поступает к ней из Столпа славы (т.е. обители чистого Воздуха и Человека Совершенного, куда поднимается праведная душа после смерти земного человека). Луна служит жилищем божеств-демургов (Первочеловек, Иисус-сияние, Дева Света) (Зуев, 2002, с. 194-195).

Важной деталью изображения таразского медальона являются бусы на шее богини Луны. В персидской поэзии чистота и совершенство нередко сравнивались с россыпью драгоценного жемчужного ожерелья, посылающего дождь Плед. В манихейском учении жемчуг считался воплощением совершенной чистоты Света, к достижению которой стремится душа праведника. Приведём рассказ об этом, вложенный в уста Светоча по коптскому трактату «Кефалайя». Каплевидные жемчужины «великой цены» происходят от капель дождя, падающих в море. Одеждой им служит скорлупа, напоминающая своим цветом прибрежную пену морской волны («а скорлупа бывает из пены»). Жемчуг созревает лишь в определенных местах моря и в назначенное время, известное ныряльщикам. «Ныряльщики знают его, – и они ловят их: плавают, ныряют в тех местах и выносят жемчужину вверх из глубины морской... Ныряльщики отдают их купцам, а купцы отдают царям и знатным людям. Такова, подобно этому, и святая церковь, собирающая от Души живой (т.е. пяти светлых стихий, сынов Первочеловека, связанных после Смещения тёмными стихиями в материальном мире): она собирается, возносится, поднимается из моря и помещается во плоти человеческой; плоть же человеческая подобна пене и скорлупе. А поднятая вверх добыча подобна капле дождя, тогда как Апостол (т.е. основатель истинной веры, эманация Разума света) подобен ныряльщику; купцы – это Светила небесные (Солнце и Луна), цари и знатные люди – это зоны Величия (т.е. бесчисленное множество светлых миров, населенных божествами). Ибо всем душам, которые восходят в плоть человеческую, а потом освобождаются и возносятся к великим зонам Света (т.е. в Рай)... Вы же, мои возлюбленные, должны всячески стремиться стать жемчужинами добрыми и достаться небу через Ныряльщика светлого. Он приведёт вас к старшине купцов» (Кефалайя, 204, стк. 1-20).

В этом отрывке из трактата мы обнаруживаем религиозную интерпретацию образа жемчуга, мифологические сюжеты о котором уже давно быто-

вали, они были частью мировоззрения общества, но в манихействе перешли из разряда мифологических образов в представления о душе как основополагающем религиозном элементе доктрины. Среди письменных согдийских манихейских текстов, переводы которых были сделаны В. Хенингом, имеется притча о сверлильщике жемчуга. Весь смысл притчи заключается в том, что владелец жемчуга, наняв для сверления жемчуга человека, вынужден был заплатить ему сто динаров не за сверление жемчуга, а за его игру на лютне, потому что сам попросил его играть на ней. В рассказе дается такое объяснение: «тот человек, который понял искусство, представляет [тело]... Бурильный молоток жемчуга – тело. Сотня [золотых] динаров представляет жизнь ста лет. Владелец жемчуга – душа, и скученная пыль от жемчуга (?) представляет собой благочестие» (Henning, 1945, с. 466). Манихеи вкладывали в образ жемчуга образ духовной сущности не только по ее образу и ценности, а выделяли в ней образ светлой души, стремящейся к очищению от земной скверны. Жемчуг как символ богини Луны из таразского медальона.

На территории Казахстана интересным является городище Каялык (совр. Койлык, Талдыкорганская область, около г. Сарканд), где уже на протяжении 10 лет археологами Института археологии им. А.Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан ведутся раскопки комплекса археологических памятников городища и близлежащих территорий. Важными составляющими городища являются раскопки храмовых сооружений, определяемых археологами как манихейские и мусульманские, относящиеся примерно к X – XIII вв. Каялык расположен в Илийской долине, и его расцвет относится ко времени Карлукского каганата, через древний Каялык проходил караванный путь в Китай. При раскопках в 2004 г. был обнаружен манихейский храм, который в плане располагался по линии восток-запад на возвышенности и погиб в результате городского пожара. В храме были обнаружены интересные артефакты: круглый 13-рожковый светильник с четырьмя идентичными рельефными орнаментами в виде раскидистого куста, в середине которого крестовидное изображение, фрагменты терракотовой резной решетки с геометрическим и растительным орнаментом, чашевидные светильники для освещения помещения и т.д. (Железняков, 2006, с. 62-65).

В «Изначальной черепахе императорской библиотеки» 644 г. имеется первое китайское сообщение о карлуках, которые названы в источнике шигэлолу, т.е. шир-карлуки (Зуев, 2002, с. 215). В одном из документов «Полного собрания документов династии Тан» сообщается, что асалань сыцзинь, т.е. Арслан-иркин добивался танского подданства. К монгольскому времени относится сообщение о карлукском предводителе Арслан-хане (Зуев, 2002, с. 215). Эти письменные свидетельства определенно сообщают нам, что карлуки соотносились с образом льва (тюрк. арслан, ср.-перс. шир) так же, как и турфанские уйгуры (Торланбаева, 2008, с. 35-36).

Приведенный выше материал об открытии Турфанской библиотеки и манихейской коллекции рукописей дает представление о бытовании манихейства среди турфанских уйгуров. Хавьер Трэмблей в своем исследовании «К истории Сериндии. Манихейство среди народов и религий Центральной Азии по первичным источникам» посвящает раздел изучению манихейства в обществе Турфана (Tremblay, 2001, 97-122). Его монография представляет огромный интерес в изучении манихейства на территории Центральной Азии. Пристальное внимание автор уделяет вопросу о смене манихейских храмов на буддийские, «переписыванию» манихейской настенной живописи на буддийскую, тех самых, которые сохранились в турфанских пещерах и были обнаружены в ходе немецких экспедиций.

Образ льва, связанный с карлуками и турфанскими уйгурами, раскрывается при анализе манихейской доктрины и показывает только один из образов Царя тьмы. Например, в «Кефалайе» говорится: «Что же касается царя Тьмы, то есть у него пять образов: его голова имеет вид льва, его руки и ноги имеют вид демона... его плечи похожи на орлиные, средняя его часть похожа на дракона, его хвост похож на рыбий». У ан-Надима находим то же самое: «Его голова, как голова льва, его тело, как тело дракона, его крылья, как крылья птицы, его хвост, как хвост большой рыбы, а его ноги, как ноги рептилий» (цит. Хосроев, 2007, с. 135, прим. 605). Гео Виденгрэн одним из первых задался вопросом об истоках формирования манихейских мифологем. Образ Царя Тьмы, по его мнению, был заимствован из месопотамских мифов (Виденгрэн, 2001, с. 79, 108). Чтобы понять, почему манихеи считали, что Царь Тьмы имеет голову льва, и в обществе людей могли быть соответствующие титулы, преклонение перед сильными качествами льва-животного и даже племя могло иметь, вроде, тотема это животное, можно объяснить только с той стороны, что основополагающими принципами манихейства были учение о дуализме и учение о трех временах. Пять образов Царя Тьмы идут от первого времени, когда не были созданы Адам и Ева, т.е. первые люди на земле. Они были созданы только во втором времени, которое является периодом той реальности, в которой проживает сам Мани, и это время отражает время существования человеческого общества. Согласно учению, это время Смешения, но не реальности первого времени. Мифы и верования прошлого являются стержневыми в учении Мани. Гносиологический (познавательный, основанный на знании) элемент в манихействе отражается в сложной, скрупулезной попытке пророка Мани приспособить принцип дуализма к объяснению окружающей действительности; действительности мира духовного и мира материального. Учение о трех временах, по мнению П. Брайдера, существует как неопровержимый факт, того, что в предисламское время культура Центральной Азии представляла собой смешение, в котором религиозные взаимодействия предоставляли возможности многократных обратимых влияний (Bryder, 2005, с. 345). Некогда данная Мани «схема» учений о дуализме

и трех временах стала обрастать многообразными деталями в зависимости от среды проникновения манихейства, а, пройдя через пространство и время, учение приобрело отличные от месопотамского сюжеты.

По мнению Мэри Бойс, манихейские миссионеры достигли китайского двора в 694 г., а в 732 г. имперским указом Поднебесной было дано разрешение практиковать эту религию в Китае среди неханьского населения. Интересный факт, связанный со львом и жемчужиной, можно увидеть в танце львов, практикуемый у китайцев во время праздников: обычно по улицам проносили двух ярко окрашенных игрушечных львов, которые состязались друг с другом в борьбе, или играли «жемчужиной» – своеобразным шаром (Даулетова, 2005, с. 130). Безусловно, сам образ льва и жемчуга уходит в местную культурную среду народов Центральной Азии, имеет свои корни в Вавилоне и Иране и связан с мифологическими представлениями. Пророк Мани, создав «схему» своего учения, тем самым дал возможность своим последователям и самой идее учения использовать представления, традиции, знания, мифы населения, куда распространялась его религия. Поэтому танец львов в Китае через века пространства и времени объединил два образа из манихейских текстов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

- Виденгрэн, 2001 – Виденгрэн Г. Мани и манихейство. – СПб, 2001.*
Bo Utas. Manistan and xanaqah \\\ Acta Iranica. Vol. 25. – Leiden, 1985.
Даулетова, 2005 – Даулетова Ф.Н. Китай: Мифы и реальность. Алматы 2005.
Железняков, 2006 – Железняков Б. Манихейский храм Каялыка \\\ Nomad-Kazakhstan, № 1, 2006.
Зуев, 2002 – Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы, 2002.
Камалов, 2003 – Камалов А.К. Уйгуры в Дуньхуане \\\ Известия НАН РК, № 4, 2003.
Кефалайя – Кефалайя (“Главы”). Коптский манихейский трактат. Пер. С коптского, исследования, комментариев, глоссарий и указатель Е.С. Смагиной. – М., 1998.
Кляшторный, 1964 – Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1964.
Кляшторный, 1992 – Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности. – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. – М., 1992.
Литвинский, Смагина, 1992 – Литвинский Б.А., Смагина Е.Б. Манихейство. – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. – М., 1992.

Сенигова, 1960 – Сенигова Т.Н. Иконографическое изображение из Тараза - Известия АН КазССР. Серия металлургии, обогащения и огнеупоров. Вып. 3, Алма-Ата, 1960.

Торланбаева, 2009 – Торланбаева К.У. К вопросу об образах кошачьих в культуре и религии (манихействе) народов Ближнего Востока и Центральной Азии // Известия НАН РК, № 2, 2009.

Тугушева 2008 – Хуастванифт (Манихейское покаяние в грехах). Предисловие, транскрипция уйгурского текста, перевод Л.Ю. Тугушевой. Комментарий А.Л. Хосроева. – Санкт-Петербург: Изд-во «Нестор-История», 2008.

Хосроев, 2007 – Хосроев А.Л. История манихейства (Prolegomena). – СПб, 2007.

Bryder, 2005 – Bryder P. Manicheism and Buddhist elements. – Encyclopaedia Iranica. - 2001-2007.

Henning, 1945 – Hening W.B. Sogdian Tales // BSOAS, 11, 1945, p. 466.

Henning, 1977 – Henning W. B. Argi and the “Tokharians” // Selected papers. Leiden, 1977.

Le Coq, 1909 – Le Coq A. von. A short account of the origin, journey, and results of the First Royal Prussian (Second German) Expedition to Turfan in Chinese Turkistan” // JRAS 1909, p. 304-305.

Le Coq, 1926 – Le Coq A. von. Auf Hellas Spuren in Ostturkistan, Berichte und Abenteuer der II. und III. Deutschen Turfan-Expedition (Leipzig, 1926), f. 47.

Lieu SaueI, 1998 – Lieu SaueI N.C. Manichaeism in Central Asia and China. –Leiden, New York, Kūln, 1998.

Moriyazu, 2000 – Moriyasu T. “The West Uighur Kingdom and Tun-huang around the 10th –11th Centuries (Lecture at the BBAW on the 10 May 1999)”, Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften (normals Preausische Akadeie der Wissenschaften). Berichte und Anhadlungen. and 8, Berlin: Academie Verlag, 2000, S. 337-368

Sundermann, 2004 – Sundermann W. Turfan expeditions. – Encyclopaedia Iranica. – 2001-2007.

Tremblay, 2001 – Tremblay X. Pour une histoire de la Serinde. Le manicheisme parmi les peuples et religions d'Asie Centrale d'apres les sources primaires. – Wien, 2001.

Trombert, 2000 – Eric Trombert avec la collaboration de Ikeda On et Zhang Guangda. Les Manuscrits Chinois de Koutcha (Fonds P. Pelliot de la Bibliotheque National de France). – Paris, 2000